

продовольчими товарами, насамперед зерном та м'ясом, а уряд змушений був імпортувати продовольство. Труднощі з продуктами харчування відбилися на споживчому ринку: знову з'явилися черги і «дефіцити» [1, с. 606].

Продукція сільського господарства в 1976–1980 рр. знизилася на 8%, а в рослинництві – на 16%. Причиною цього були неврожаї, зменшення ареалу оброблюваної землі, некорисні структурні зміни в економіці [1, с. 611].

Така ситуація на селі тривала аж до кінця існування в Польщі комуністичного режиму, тобто до кінця 80–х рр. минулого століття, коли в Польщі розпочалося становлення демократичних засад розвитку держави. Поряд із змінами в державному, господарському, політичному та суспільному житті держави Польща шукала шляхів виходу з економічної кризи, у тому числі й аграрної. Розпочалося реформування аграрного сектора економіки, яке було спрямоване на реструктуризацію. Польща після багатьох спроб реанімувати сільське господарство вибрала модель роздержавлення і викупу земельних ділянок, тобто повернення до приватного господарювання.

Таким чином, після завершення Другої світової війни і приходу до влади правлячої ПОРП в аграрній сфері Польща цілком копіювала радянський досвід. У галузі сільського господарства передбачалося кооперування щонайменше чверті селянських господарств і збільшення виробництва на 63%. Утім, кооперування села загальмувалося. В подальшому кооперативна система зазнала в Польщі цілковитого краху, чим довела свою нежиттєздатність. Польща після багатьох спроб реанімувати сільське господарство повернулася до приватного господарювання.

Список використаних джерел

1. Зашкільняк Л. О. Історія Польщі: Від найдавніших часів до наших днів / Л. О. Зашкільняк, М. Г. Крикун. – Львів: Львівський національний університет імені Івана Франка, 2002. – 752 с.
2. Паславська О. Я. Аграрна реформа в Польщі (історико-правовий аспект) / О. Я. Паславська // Актуальні проблеми держави і права. – 2009. – Вип. 48. – С. 327–334.
3. Аграрные реформы в странах Центральной и Восточной Европы [Электронный ресурс]. – Режим доступа: <http://uris.org.ua/vseobschaya-istoriya-gosudarstva-i-prava/agrarnye-reformy-v-stranah-tsentralnoy-i-vostochnoy-evropy>
4. Газин В. П. Новітня історія країн Європи та Америки (1945–2002 роки): Навч. посібник / В. П. Газин, С. А. Копилов. – К.: Либідь, 2004. – 624 с.
5. Экономическое и политическое развитие Польши в конце 1940–х – 1960–х гг. [Электронный ресурс]. – Режим доступа: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/arch/1_kurs/Slav_Caruk/2012/7.pdf
6. Яровий В. І. Новітня історія країн Східної Європи. 40–ві – 90–ті роки XX ст.: Курс лекцій: Навчальний посібник / В. І. Яровий. – К.: Либідь, 1997. – 269 с.
7. Stelmachowski A. Prawo rolne / Andrzej Stelmachowski. – Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 2003.

References

1. Zashkil'nyak L. O. Istorija Pol'shhi: Vid najdavnyshykh chasyv do nashykh dnyv / L. O. Zashkil'nyak, M. G. Krykun. – L'viv: L'viv's'kyj nacional'nyj universytet imeni Ivana Franka, 2002. – 752 s.
2. Paslavs'ka O. Ja. Agrarna reforma v Pol'shhi (istoriko-pravovyy aspekt) / O. Ja. Paslavs'ka // Aktual'ni problemy derzhavy i prava. – 2009. – Vyp. 48. – S. 327–334.
3. Agrarnye reformy v stranah Central'noj i Vostochnoj Evropy [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: <http://uris.org.ua/vseobschaya-istoriya-gosudarstva-i-prava/agrarnye-reformy-v-stranah-tsentralnoy-i-vostochnoy-evropy>
4. Gazin V. P. Novitnja istorija krajin Jevropy ta Ameryky (1945–2002 roky): Navch. posibnyk / V. P. Gazin, S. A. Kopylov. – K.: Lybid', 2004. – 624 s.
5. Jekonomicheskoe i politicheskoe razvitie Pol'shi v konce 1940–h – 1960–h gg. [Elektronnyj resurs]. – Rezhym dostupu: http://www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/arch/1_kurs/Slav_Caruk/2012/7.pdf

www.hist.bsu.by/images/stories/files/uch_materialy/arch/1_kurs/Slav_Caruk/2012/7.pdf

6. Jarovij V. I. Novitnja istorija krajin Shidnoi' Jevropy. 40–vi – 90–ti roky XX st.: Kurs lekcij: Navchal'nyj posibnyk / V. I. Jarovij. – K.: Lybid', 1997. – 269 s.

7. Stelmachowski A. Prawo rolne / Andrzej Stelmachowski. – Warszawa: Wydawnictwo Prawnicze, 2003.

Svyaschenko Z. V., Doctor of Historical Sciences, Associate Professor of World History, Uman State Pedagogical University Paul Tychiny (Ukraine, Uman), zinaidasvyaschenko09@rambler.ru

Features agricultural transformation in Poland in the second half twentieth century

The features of agrarian reforms in Poland in the second half of the twentieth century. Draws attention to communist experiments in the field of agrarian relations and their consequences. Indicated that totalitarianism in Poland had some differences from Soviet totalitarianism that turned particularly in carrying out agrarian reform. It is in Poland difference was the recognition of peasant labor ownership of land, which prevented the Communists implement collectivization of agriculture. It is concluded that the cooperative system in Poland suffered complete collapse of what has proved unviable. A characteristic feature of agriculture was inefficient capital contributions, owing primarily dispersed large land holdings, lack of interest of the communist state in supporting individual farmers. The situation in the village lasted until the end of the communist regime in Poland, ie the late 80's. Last century, when Poland began the foundations of democratic development. Poland, after many attempts to revive agriculture has returned to private entities.

Keywords: Poland, agrarian reform, cooperation, private entities.

Священко З. В., доктор исторических наук, профессор кафедры всеобщей истории, Уманский государственный педагогический университет им. Павла Тычины (Украина, Умань), zinaidasvyaschenko09@rambler.ru

Особенности аграрных преобразований в Польше во второй половине XX в.

Проанализированы особенности аграрных преобразований в Польше во второй половине XX в., обращается внимание на коммунистические эксперименты в области аграрных отношений и их последствия. Отмечено, что тоталитаризм в Польше имел определенные отличия от советского тоталитаризма, что особенно проявилось в проведении аграрной реформы. Именно в Польше отличием было признание крестьянской трудовой собственности на землю, что помешало коммунистам провести коллективизацию сельского хозяйства. Сделан вывод о том, что кооперативная система претерпела в Польше полный крах, чем доказала свою нежизнеспособность. Характерной чертой развития сельского хозяйства была низкая эффективность капитальных вложений, что объяснялось, прежде всего, большой раздробленностью землевладений, незаинтересованностью коммунистического государства в поддержке крестьян-единоличников. Такая ситуация на селе продолжалась вплоть до конца существования в Польше коммунистического режима, то есть до конца 80–х гг. прошлого века, когда в Польше началось становление демократических принципов развития государства. Польша после многих попыток реанимировать сельское хозяйство вернулась к частному хозяйствованию.

Ключевые слова: Польша, аграрная реформа, кооперирование, частное хозяйствование.

УДК 327(470+571:575.146–542)«1884»:355.343

Фалько С. А.,
кандидат исторических наук,
доцент кафедры социальных и правовых дисциплин,
Национальная академия Национальной гвардии
Украины (Украина, Харьков),
faekosergey65@gmail.com

Военно-инструкторская миссия под руководством полковника К. В. Церпицкого в Бухарский эмират (1884 г.)

Статья посвящена малоизученной проблеме взаимоотношений военного ведомства Российской империи и мусульманских государств Центральной Азии в 80–е гг. XIX в. В работе анализируются особенности военно-инструкторской деятельности русской армии на Востоке. На основе ранее не использованных архивных материалов подробно разбирается деятельность военной миссии под руководством полковника К. В. Церпицкого в Бухарском эмирате в 1884 г. В исследовании рассматривается роль туркестанского генерал-губернатора генерал-лейтенанта М. Г. Черняева в иницировании военного сотрудничества России с Бухарой.

В работе автором были использованы общенаучные и специально-исторические методы исследования.

В процессе исследования выявлены: причины взаимодействия военных России с бухарцами в 1884 г.; особенности функционирования военных инструкторов в специфических условиях Азии; результативность деятельности военных инструкторов России в Бухаре. Вскрываются причины борьбы между Главным штабом и М. Г. Черняевым по вопросу о целях деятельности инструкторов России в Бухаре.

Ключевые слова: Российская империя, военные-инструкторы, миссия, русская армия, Главный штаб, Военное министерство, Туркестан, Центральная Азия, Бухарский эмират.

(стаття друкується мовою оригіналу)

Изучение места и роли вооруженных сил (далее ВС – С. Ф.) в обществе на Востоке являются неизменно актуальной исторической проблемой. Армия – важная часть государственной системы любой страны. История модернизации по западному образцу азиатского континента в конце XIX в., в свете успехов, достигнутых во многих странах Востока в начале XXI в. и сегодня востребованная тема для исследований.

Реформы конца XIX в. в азиатских странах, если взять их в целом, были отражением стремления ряда стран Востока вырваться единым рывком из состояния отсталости и сравняться с демонстрировавшими свое превосходство европейцами. В первую очередь встать на путь европеизации и реформ побуждало стремление преодолеть военную слабость [1, с. 231].

Вопрос исследования деятельности военных инструкторов России в странах Азии во второй половине XIX в. не раз становился предметом изучения историков. Деятельности российских военных инструкторов в Персии посвятили свои работы Н. К. Тер-Оганов [2], О. А. Красняк [3], О. А. Гоков [4] Ф. Казем-Заде [5]. Деятельность русской военной миссии в Корее рассматривается в работах корейского исследователя Ким Ен-Су [6] и российского историка А. Н. Хохлова [7]. Последний также занимался изучением деятельности русских военных инструкторов в цинском Китае [8]. Этой же теме посвятил часть своей работы И. М. Попов [9]. Отдельные эпизоды этой тему поднимал историк В. Г. Давыденко [10]. Интересно исследование Е. В. Добычиной [11] о планах использования российской военной миссии в исследуемый период в Китае. Работы вышеуказанных авторов охватывают различные аспекты деятельности миссий: военные, политические, финансовые, а также вопросы межведомственных отношений. Большинство исследователей в своих работах опирались на документы из фондов Архива внешней политики Российской империи (АВПРИ). Другие исследователи, к примеру, Н. К. Тер-Оганов при изучении истории инструкторских миссий России в Персии шире использовали документы Российского государственного военно-исторического архива (далее – РГВИА). Историки изучали работу российских миссий в Персии, Корее, Китае и др. странах, однако к анализу деятельности военных инструкторов в Бухаре в конце XIX в. они еще не обращались.

Исследование посвящено, казалось бы, незначительному эпизоду деятельности военного ведомства России – военно-инструкторской миссии (далее миссии – С. Ф.)¹ под руковод-

¹ *Под термином военно-инструкторской миссии автор в контексте нашего исследования, подразумевает в первую очередь инструкторские функции русской миссии 1884 г. в Бухарский эмират. Вместе с тем любая военная миссия выполняет политические,

ством полковника К. В. Церпицкого² в Бухарский эмират, в 1884 г. Работа ставит задачу изучение такого многостороннего явления как взаимодействие российской императорской армии и мусульманского государства в сфере военного сотрудничества.

Термин «военный инструктор», распространенный в русской военной литературе в 1880–х гг. не вполне соответствует современному значению. В русской армии под инструкторами понимались офицеры, на которых возлагались задачи по обучению пользованию оружием. Такие штатные должности были введены с 1861 г. в связи с перевооружением армии новым стрелковым оружием. Со временем понятие инструктор охватило и другие особенности военного дела. К ним следует отнести: обучение приемам тактической подготовки, преобразование организации подразделений и частей, качества образования кандидатов на офицерские должности и др. аспектам военного дела. Но в 80–е гг. XIX в. именно стрелковая подготовка и знание материальной части оружия приобрели первостепенное место в инструкторской деятельности [12, с. 372].

Исследователями не уделялось должное внимание военно-политической составляющей такого сотрудничества. Зачастую, многие вопросы этого направления взаимоотношения Петербурга и Бухары рассматривались вскользь, через призму стереотипов, что приводило к неточностям и ошибкам.³

Изучение архивных материалов фонда «Главный штаб Военного министерства» фонда 400 РГВИА и его составляющей Азиатской части Главного штаба⁴ – позволило ввести в научный оборот новые документы из истории деятельности российской армии в Туркестане. Документы 401 фонда, Военно-ученый комитет

военно-технические, разведывательные, культурные, финансовые и другие задачи, которые, как правило, ставит политическое и военное руководство страны посылающей миссию.

² *Церпицкий Константин Викентьевич (11 декабря 1849 – 14 ноября 1905) – русский военачальник, генерал, участник военных кампаний 1873, 1875–1876, 1878 и 1880 в Туркестане, китайской кампании 1900–1901 и Русско-японской войны 1904–1905 гг. Происходил из потомственных дворян Гродненской губернии. 1–е Павловское военное училище (1867). Участвовал в кампаниях в Туркестане в 1873, 1875–1876, 1878 и 1880 гг. с 1882 – полковник. С ноября 1904 по сентябрь 1905 – командир 10-го армейского корпуса, принявшего участие в боях под Ляояном и Мукденом во время русско-японской войны.

³ *Изначально, ошибка в оценке деятельности миссии К. В. Церпицкого была допущена российским востоковедом Д. Н. Логофетом. Который, не привел никакой верной информации о деятельности миссии за исключением года и имени фамилии начальника миссии. [Логофет Д. И. Страна Бесправия. Бухарское ханство и его современное состояние / Д. И. Логофет. – СПб.: Изд. Березовского, 1909. – 240 с.]. Б. И. Искандаров упоминающая о миссии ошибочно указал год и не раскрыл причины передачи оружия [Искандаров Б. И. Из истории Бухарского эмирата / Б. И. Искандаров. – М.: Изд-во восточной литературы, 1958. – 132 с.]. Недостатки указанных работ воспроизведены в исследовании Р. Э. Холиковой. [Холикова Р. Э. Из истории военного дела в Бухарском эмирате / Р. Э. Холикова // Молодой ученый. – 2014. – №9. – С.399–402].

⁴ *Азиатская часть Главного штаба к 1880–м гг. включала в себя заведующего азиатскими делами, его помощника и 2–х офицеров корпуса топографов. По Положению о Военном министерстве 1869 г. к ведению Азиатской части относилось в пределах Кавказского, обоих Сибирских, Оренбургского и Туркестанских во военно-административное и военно-народное управление, ряд вопросов, связанных с управлением и действием войск, составлений известий из военных журналов для обнародования; снаряжение военно-ученых и др. экспедиций, устройство укреплений и путей сообщений. (РГВИА – из описи фонда 400 Л.1).

дополняют указанные материалы, позволяя оценить масштабы военной помощи России Бухарскому эмирату.

Начав реформы, призванные модернизировать свои армии, правители Востока призвали на помощь европейские военные инструкторы.

Начав реформы, все больше азиатских стран приглашают европейские военные миссии в свои ВС. Для примера можно вспомнить некоторые из них. С 1882 по 1895 гг. немецкая миссия возглавляемая полковником фон дер Гольцем работала в Османской империи [13]. Другая группа офицеров из Германии обучала войска Цинской империи в 1884–1894 гг. [11; 14]. В Тегеране действовала австрийская военная миссия [2, с. 43]. Подконтрольную Англии армию Египта обучали с 1882 г. британские инструкторы [15].

Следует отметить, что на 1883 г. российское военное ведомство уже имело определенный опыт деятельности миссий за рубежом [16].

Впервые, в этот период, российские офицеры использовались с целью оказания помощи в обучении военных Цинской империи в 1861–1862 г. [17]. В 60–е гг. XIX в., несмотря на свой статус зависимого княжества в составе Османской империи – Сербия начинает создавать национальные ВС. Сербским властям в 1867–1868 гг. была оказана помощь российской военной миссией во главе с генштабистом Г. А. Леером [18].

Посылка инструкторов и оружия в Бухару была одним из элементов т.н. «Большой игрой» [19]. Тема исследования, без сомнения соприкасается и с этим важным фактором политической жизни региона – борьбой между Россией и Англией за сферы влияния. К началу 80–х гг. XIX в. это противостояние в центральноазиатском регионе перешла в заключительную стадию – окончательному определению границ сфер влияния двух империй.

Поводом к миссии стал т.н. Памирский вопрос. Бекства Шуган и Вахан традиционно считались спорными территориями для государств региона. С 1873 г., на основании договора между Россией и Великобританией эти области признавались зоной влияния Бухарского эмирата, который с 1868 г. являлся русским протекторатом.

Предлогом к захвату их афганцами послужило появление летом 1883 г. на Памире российской экспедиции под руководством капитана ГШ Д. В. Путяты [20]. Шуган и Вахан были заняты афганскими войсками в сентябре 1883 г. [21].

Особенность политического положения Бухарского эмирата в 80–е гг. XIX в. было в его зависимом положении от Петербурга. Следует отметить, что зависимость эта в 80–е–90–е гг. XIX в. была достаточно номинальной. Вопрос о финансовом контроле Бухары остался в проектах. Судебная система продолжала работать в рамках шариата [22, с. 421]. Высший контроль за Бухарой по поручению царя лежал на генерал–губернаторе Туркестана [23, с. 294].

ВС эмирата, по мнению наблюдавших их российских военных, были слабы. Обратим внимание на оценку войск эмирата в Главном штабе^{*1} и Ташкентском военном

¹ *Главный штаб русской императорской армии был образован в результате военных реформ 31 декабря 1865 (12 января 1866) г. путём слияния Инспекторского департамента с Главным управлением Генерального штаба был образован Главный штаб, который ведал вопросами управления вооруженными силами, мобилизацией, делами по личному составу и комплектованию войск и военных учреждений, их устройством, службой, размещением, боевой подготовкой и хозяйством.

округе. В исследуемый период, этот вопрос освящали ряд материалов офицеров русской армии [24]. Сведения об армии эмира поступали в штаб Туркестанского военного округа, который системно собирал информацию о ВС бухарского эмирата.

По мнению офицеров, Бухарская армия не являлась реальной боевой силой. Бухарские сарбазы сохранялись, как охранно–полицейская сила режима [23, с. 303]. Однако, многие российские военные считали необходимым учитывать бухарский фактор в регионе. Оценки войск эмира указывали на необходимость учета возможности, что в случае вооруженного противостояния с Англией или Афганистаном бухарцы перейдут на сторону противника. Этот факт мог ухудшить для России общую ситуацию в регионе.

В этой сложной обстановке появилась идея в ответ на афганскую активность в регионе послать в Бухару партию современных ружей. Инициатором предложения был генерал–губернатор Туркестана генерал М. Г. Черняев. 25 мая 1882 г. генерал–губернатором Туркестанского края был назначен произведенный в генерал–лейтенанты М. Г. Черняев [25, с. 261].

Благодаря своей деятельности в Туркестане в 1860–х гг. Черняев создал себе негативную репутацию в глазах петербургского генералитета. «Своеволие его, неповиновение, самодурство дошли до явного нарушения основных правил службы. Увлекаемый неутомимой жаждой военной славы, Черняев не соразмерял своих предприятий со средствами», – вспоминал позже военный министр генерал Д. А. Милютин [26, с. 340].

М. Г. Черняев начал свое вторичное управление Туркестаном энергично. Он выдвинул предложение о ликвидации Бухарского и Хивинского ханств, которое подверглось обсуждению на Особом совещании по азиатским делам 24 июня 1882 г. Предложение было отклонено. Главным мотивом отказа оппонентов Черняева были финансовые расходы и опасение конфликта с Англией. Решение совещания, было одобрено Александром III [27, с. 308].

Однако, захват горных бекств на Памире стимулировал Черняева на активные действия. Он, в декабре 1883 г. предложил непосредственно императору Александру III, минуя Главный штаб, новый подход. Путем передачи современного стрелкового оружия войскам эмира и передвижением боевых частей на границу с эмиратом оказать политическую поддержку протекторату России [28, л. 3]. Главный штаб, несмотря на неоднократные обращения Черняева, в течение двух недель не отвечал генерал–губернатору [29, с. 14].

Только после этого генерал обратился напрямую к Александру III. И в декабре 1883 г. получил согласие Петербурга на военную демонстрацию в пользу Бухары [29, с. 15].

После отказа от неоднократных инициатив М. Г. Черняева, касающихся изменения внешней политики России в регионе, у главы русского Туркестана ухудшились и без того напряженные отношения с руководителями внешнеполитического и военного ведомств империи. Об этом позже он докладывал Александру III: «...при первом слухе о возможности столкновений между английскими афганцами и нашими бухарцами я обратился к военному министру с телеграммой, в которой, высказывая мое мнение и ничего не предпринимая, просил указаний.

Не получая ответа на две своих телеграммы в течение двух недель, я решился в таких важных обстоятельствах обратиться к Вашему величеству» [29, с. 14].

Как и предполагалось, в Главном штабе болезненно отнеслись к столь явному нарушению субординации. Отношения между Черняевым и руководством Военного министерства все более накалялись.

Начальник Главного штаба генерал-адъютант Н. Н. Обручев ответил на очередную попытку Черняева обращения к царю, минуя прямое армейское начальство, телеграммой ограничивающей любую возможную инициативу туркестанского генерал-губернатора [28, л. 8].

Главный штаб в телеграмме от 13 декабря четко ограничил возможности инициативы Черняева во внешнеполитической области отсекая любые возможности для маневра в этом направлении. Обручев, прикрываясь авторитетом императора, предупреждал Черняева: «Государь император повелевает Вам, воздержаться от всякого шага который мог бы вовлечь нас в военные действия, полагая, что употребление наших войск может быть допущено лишь, в случае если опасность угрожала нашим собственным пределам или если в самой Бухаре произошла революция, которая вынудила бы нынешнего эмира настоятельно просить лично для себя нашей защиты» [28, л. 3–4].

Но, что действительно раздражало петербургское военное руководство, так это прямое нарушение субординации руководителем Туркестана. На этот факт Н. Н. Обручев особо указывал М. Г. Черняеву. Уверенный в недопустимости прямого, минуя центральный орган управления армией – Главным штаб, обращения к императору. «Направление же Ваших телеграмм помимо Министерства (военного и МИД) признается его величеством излишним, так как все они представляются без промедления на Высочайшее воззрение», – требовал Н. Н. Обручев от упрямого генерала 14 декабря 1883 г. [28, л. 5].

В это время, штаб Туркестанского округа начал выполнение указания своего начальника генерал-лейтенанта М. Г. Черняева.

В декабре 1883 г. он, через начальника штаба округа дал приказание начальнику артиллерии округа подготовить к отправке из ташкентского артиллерийского склада новые ружья Бердана [28, л. 29].

Уже меньше чем через неделю, 27 декабря 1883 г., ружья вывез из Ташкента специальный транспорт под командой штабс-капитана Естифеева. 24 января, через Каты–Курган, транспорт Естифеева с оружием и боеприпасами для сарбазов Музаффара прибыл в столицу эмирата. Уже с первых шагов военного сотрудничества с бухарцами чины русской армии встретились с беспечностью, неорганизованностью и легкомыслием в отношении к переданному оружию. При передаче транспорта бухарскому командиру Шериф-бею Инаке, он принялся считать ружья и патроны в упакованном виде. Бухарцы ограничились распаковкой одного лишь ящика с ружьями и одного с патронами, сумками, а другие ящики не захотели вскрывать. На этом приемка оружия закончилась.

Тем временем М. Г. Черняев отправил письмо эмиру Бухары [28, л. 30]. В этом послании Музаффару, российский генерал, впервые предлагал прислать российскую инструкторскую миссию «прошу Вас уведомить меня, желаете ли Вы получить таких инструкторов, дабы я мог отдать соответствующие распоряжения» [28, л. 33]. Целью

работы чинов императорской армии в эмирате Черняев видел в обучении сарбазов Бухары использованию и хранению новейшим оружием. Российский генерал писал: «Обращение с посылаемыми мною ружьями и стрельба из них требует известной подготовки, которую вероятно не имеют солдаты вашей армии то в случае желанья Вашего Высочества я мог бы послать Вам офицеров и несколько солдат, которые научат Ваши войска как нужно обращаться с оружием» [28, л. 34].

Так начала реализовываться вторая часть плана Черняева по усилению российского влияния в Бухаре. Посылка российских офицеров в войска эмира.

Вопрос кадрового обеспечения миссии решался в соответствии с финансовыми возможностями штаба округа. На подбор офицеров в команду полковника Церпицкого влияло и временное ограничение работы миссии, и ее конкретная задача – ознакомить бухарцев только с правилами обращения и хранения оружия переданного 24 января 1884 г.

Когда происходило снаряжение инструкторов в Бухару, около 200 российских офицеров находилось в Болгарии. Несколько десятков инструкторов, несли службу в милиции Восточной Румелии [30]. Миссия, из кавалерийских офицеров, работала в Тегеране, обучая Персидскую казачью бригаду (ПКБ) [2; 3; 4]. Готовилась к отправке миссия инструкторов в Черногорию [31, л. 48]. В 1884 г. полковником Н. Я. Шнеуром велись переговоры о посылке российских офицеров и в Корею [32, л. 123].

Системы подбора офицеров в миссии была разнообразна. Э. В. Экк писал о офицерах посланных в Восточную Румелию: «Все офицеры были выбраны Главным штабом по округам исключительно по аттестационным спискам, причем брались аттестованные, без чьих-либо рекомендаций, результат получился блестящий» [33, с. 48]. В Тегеране посланные, штабом Кавказского военного округа кавалерийские офицеры служили на основании специального контракта с персидским правительством [2, с. 53].

Но при посылке в Бухару в 1884 г., ввиду ограниченного времени обучения, а так же отсутствия взаимодействия с Главным штабом, было решено оговорить условия работы российских офицеров путем обсуждения с эмиром в процессе переписки, не заключая формальный контракт [28, л. 32]. В январе 1884 г., в Ташкенте, следуя инициативе Черняева, генерал-майором Н. И. Гродковским был осуществлен подбор пяти офицеров и пятнадцати унтер-офицеров. Главу инструкторов, командира 12-го линейного Туркестанского батальона, полковника К. В. Церпицкого, лично назначил генерал-губернатор Туркестана. Люди подбирались из состава дислоцированных в Туркестане линейных батальонов*¹.

¹ *Линейные батальоны были основным типом русской пехоты на окраинах России. Они были особой категорией войск и не входили в стратегические расчеты командования на случай войны, не предназначались для передислокаций, обладали худшей выучкой и использовались для хозяйственных целей. По штату линейный батальон насчитывал 920 солдат, 20 унтер-офицеров и 4 офицера (в обычном полковом пехотном батальоне при той же численности солдат насчитывалось 96 унтер-офицеров и 16 офицеров). В конце XIX в. линейные батальоны четырехротного состава несли службу в трех округах, сопредельных с азиатскими границами. Среди офицеров служба на отдаленных границах считалась трудной и не слишком престижной. Малоуспешные ученики кадетских корпусов выпускались после первого специального класса прапорщиками в линейные батальоны.

Этими офицерами стали: из 1-го и 3-го Туркестанских стрелковых батальонов подпоручики Динов и Кононов; из 1-го, 3-го, 19-го Туркестанских линейных батальонов подпоручики Сеницын, Коломийцев и прапорщик Смирнов. Нижние чины, были подобраны из линейных батальонов расположенных в Самарканде и Катъ-Кургане [28, л. 30].

Черняев, в это время был неожиданно вызван императором в Петербург. 24 января, заранее уверенный в успехе своей инициативы, он дает распоряжение оставшемуся за него генерал-майору Иванову [28, л. 33] готовить инструкторов к убытию в Бухару.

6 февраля 1884 г. во время аудиенции в Зимнем дворце, уступив противникам туркестанского начальника, Александр III доводит Черняеву свое решение: «Вы поссорились со всеми. Вам нельзя там оставаться» [34, с. 444]. Царь переводит генерала в Военный совет при военном министре, что, по сути, было почетной отставкой.

Следует отметить, что удаление в феврале 1884 г. из Туркестана Черняева и временное назначение, генерала Н. И. Гродекова, на должность временно исполняющего обязанности генерал-губернатора в корне изменило судьбу миссии полковника В. К. Церпицкого. Руководство Военного министерства и туркестанские генералы изменили цели и задачи инструкторов.

С 1 февраля, в соответствии с указаниями Черняева генералы Гродеков и Иванов, начали готовить инструкторов к отправке в Бухару. Для главы миссии была подготовлена инструкция, где указывались, задачи миссии и срок ее выполнения [28, л. 30]. Цели для людей Церпицкого ставились конкретно: «По прибытию в Бухару выбрать с согласия эмира ... из состава войск эмира несколько десятков человек. Этих набранных им людей обучать затем детально правилам хранения и ухода за оружием, сборке и разборке винтовок, устройству, прицеливанию и правилам производства стрельбы, дабы они могли быть инструкторами для распространения полученных знаний в среде остальных войск Эмира. Срок пребывания военной миссии в Бухаре ограничить одним месяцем» [28, л. 34].

Кроме того, окружным штабом предложено собрать возможно подробные сведения о ВС и военных возможностях Бухарского эмирата [28, л. 7]. Что было обязательной задачей для офицеров во время командировок за границу [35, с. 153]. Целью сбора информации была оценка внешнеполитических угроз и проблемных вопросов региона [36].

Отдельным пунктом в инструкции указывалось: «Необходимо, чтобы каждый из Ваших подчиненных был проникнут осознанием, что русская военная команда, отправляясь в Бухару, должна представлять собою образец дисциплины и порядка», – завершал генерал детализацию задач, стоящих перед миссией [28, л. 35–36].

Таким образом, Черняев решил пойти на второй серьезный шаг, после передачи оружия, в помощи модернизации войск союзной России Бухары. Перевооружение части сарбазов новейшими винтовками системы Бердана и подготовка инструкторов из бухарцев для освоения обращения современным оружием могла увеличить боеспособность войск эмира. Однако, эта идея сразу вызвала недовольство в Главном штабе русской армии. Военный министр и начальник Главного штаба откровенно опасались перехода эмира на сторону Британии в случае неудачи русского оружия в Центральной Азии.

10 февраля 1884 г., по договоренности с бухарскими властями, на российско-бухарской границе в Катъ-Кургане отряд российских инструкторов пересел на присланные для перевозки инструкторов в Бухару 2 коляски и 4 арбы. Миссии были выделены 25 лошадей с охраной, состоящей из нукеров Маррами-Баши Керимжана [28, л. 20].

Через пять дней, днем 17 февраля, команда полковника Церпицкого прибыла в столицу эмирата. Состав миссии был официально представлен эмиру Музаффару. Во время аудиенции после обычной длительной и торжественной восточной церемонии правитель Бухары сообщил российскому полковнику, что он давно уже ожидал прибытия к нему оружия и военной миссии. Со слов посла Бухары присутствовавшего на коронации Александра III эмир знал, что в Петербурге бухарскому дипломату была обещана военная помощь России [28, л. 29].

После отстранения М. Г. Черняева от управления Туркестанским краем 22 февраля, в Ташкент от Н. Н. Обручева, была послана зашифрованная телеграмма временно командующему войсками за №207. В ней четко разъяснялось временному руководству Туркестанским военным округом, что: «При разрешении передачи бухарцам несколько сот ружей, вовсе не имелись в виду берданки, поэтому если туда посланы берданки то следовало бы под благовидным предлогом их возвратить, заменить другими или снять прицелы или по крайней мере ограничить их число до крайней степени» [28, л. 33].

Руководитель Главного штаба русской армии указывал, что: «Военным министерством никогда не имелось в виду посылать наших офицеров в качестве инструкторов для обучения армии Бухарского эмира, ... командировку в Бухару офицеров и нижних чинов надобно по возможности сократить» [28, л. 33].

Генерал-майор Н. И. Гродеков в ответ на это уведомил, что им посланы соответствующие инструкции полковнику К. В. Церпицкому. Сориентировавшись в изменившейся конъюнктурной обстановке, временно исполняющий обязанности туркестанского начальника – генерал Н. И. Гродеков прислал в Главный штаб обстоятельный доклад, раскрывший многие детали посылки партии оружия и миссии Церпицкого в Бухару. Взяв за основу докладную Гродекова, Азиатская часть Главного штаба 18 марта 1884 г. подготовила обстоятельный доклад [28, л. 22]. Этот документ вскрывает конфликт взглядов на военное сотрудничество между Ташкентом и Петербургом.

Уже на начальной стадии организации и снаряжения инструкторской миссии в Бухару, когда транспорт с оружием для эмира двигался по дорогам Туркестана в сторону столицы эмирата, П. С. Ванновский и Н. Н. Обручев начали собирать данные о всех инициативах Черняева, проводимых в обход командования.

10 января и 23 февраля 1884 г. генералу Ф. К. Зейн-Витгенштейну¹, посетившему с дипломатической миссией Бухару в декабре 1883 г. [37, с. 2], по поручению П. С. Ванновского дважды посылается запрос с целью

¹ *В начале 1880-х гг. эмир Музаффар, демонстрируя верноподданнические чувства, пожаловал императору Александру III бухарский орден Восходящей звезды. В ответ на этот жест в 1883 г. Музаффар был награжден российским орденом Святой Анны первой степени, украшенным бриллиантами. В Бухару эту награду доставило специальное посольство во главе с генерал-майором князем Ф. К. Зейн-Витгенштейном.

выяснения сути закулисных инициатив Черняева по отношению к эмирату. «Прошу Вас сообщить, какие инструкции были получены Вами от бывшего генерал-губернатора Черняева... в Вашу командировку в Бухару», – вопрошал руководитель Главного штаба [28, л. 21]. Целью запросов был сбор материалов, компрометирующих политику ташкентского генерал-губернатора.

С 23 февраля 1884 г., Н. Н. Обручев, через штаб Туркестанского округа пытается выяснить, суть указаний данных Церпицкому при его убытии в командировку. «Благоволите телеграфировать, какие инструкции даны полковнику Церпицкому и командированным с ним офицерам», – приказывает начальник Главного штаба в своей телеграмме [28, л. 15]. Этот факт указывает, что относительно передачи оружия и посылки инструкторов в Бухару Ванновский и Обручев знали лишь в общих чертах. Показательна пометка, оставленная Военным министром на телеграмме из Ташкента с указанием целей посылки офицеров в Бухару: «Не научить бы нам бухарцев в ущерб себе». Далее министр приказывает: «Надо принять меры, чтобы командировка эта скорее закончилась» [28, л. 16]. Указания Обручева, отосланные 25 февраля в штаб округа, были более конкретны: «Надо попытаться заменить винтовки Бердана винтовками Крнка (устаревшими на то время – С. Ф.)» [28, л. 16].

Получив указание от генерала Гродекова о фактическом запрете обучения бухарских военных, Церпицкий докладывал: «Относительно тех ружей, которыми они (сарбазы – Ф. С.) теперь вооружены, ... при накоплении значительной ржавчины, нельзя будет даже заряжать, не говоря уже о том, что скорострельная стрельба сделается невозможной» [28, л. 30]. Начальник миссии вообще скептически относился к своему служебному заданию: «...заранее уверен в совершенной бесполезности занятий с бухарцами. Бухарские солдаты относятся к своему оружию самым беспечным образом, вследствие чего настоящее их вооружение, а также и те 1000 винтовок, которые ныне им высланы, в самом скором времени обратятся в палки» [28, л. 32].

Позже российский полковник узнал, что еще тормозит процесс обучения сарбазов эмира. Почти месяц, до 11 марта, в столице Бухарского ханства инструкторы не приступали к работе по причине празднеств, посвященных новому году по мусульманскому календарю. Однако, существовала и другая причина, по которой занятия все откладывались. Оказалось, что по прибытию миссии в Бухару, по городу распространились слухи между жителями и сарбазами, что «русские думают занять Бухару и хотят преобразовать тут новое войско, перенимают униформу одежды на русский образец» [28, л. 33], в этом и заключалась, по их мнению, главная задача присланных инструкторов. «Вследствие подобных слухов тревожащих настроение умов населения, эмир... отдал приказ командующему войсками Али-Мадету под предлогом праздника привести (инструкторов) к себе на базу в Ширебадан», – докладывал полковник [28, л. 32]. Таким образом, остаток марта миссия вновь бездействовала. И лишь к концу месяца офицеры начали обучение бухарцев. «По самой сокращенной программе, ... сделав вид, что инструкторы обучают сарбазов. Кроме того при осмотре берданок, которые, должны быть переданы в распоряжение инструкторов, полковник Церпицкий постарался сделать их для нас по возможности

безвредными. Это можно было достигнуть тем, что боек ударника будет накренен (так), что он не будет разбивать капсюля в патроне, и бухарцы в будущем, не зная основательно сборки и разборки, никогда не догадаются о причинах такого явления», – уточнял Гродеков, по докладу главы миссии [28, л. 32]. «Эти ружья, побывав у бухарцев лишь несколько недель, считаются вовсе негодными к употреблению. Разрешение полковнику Церпицкому остаться в Бухаре столько времени, чтобы возможно было уехать из нее прилично, не дав основания бухарцам заподозрить, что инструкторы на самом деле не обучают их должным образом...», – сообщал далее временный генерал-губернатор информацию, полученную от миссии [28, л. 33].

В связи с данными генерал-адъютантом Обручевым указаниями о сворачивании работы миссии инструкторов, интересна оценка, данная главе миссии Гродековым 30 марта 1884 г. В докладной, посланной в Петербург, генерал-майор подытоживал: «Вообще докладываю, что полковник Церпицкий – офицер надежный, если командировать инструкторов в Бухару было ошибкой, то, надеюсь, он ее парализует в значительной степени» [28, л. 33].

Приказания руководителей Главного штаба полностью нивелировали саму идею сотрудничества с союзным эмиратом. На первое место вышло опасение использования против России переданного оружия.

Весной в судьбе миссии появляется новое обстоятельство, задержавшее ее отъезд из Бухары. 4 апреля 1884 г. генерал-адъютант Н. О. Розенбах, заменивший Черняева в Ташкенте, неожиданно запрашивает Петербург о разрешении офицерам миссии принять награды от бухарского эмира. Текст документа сообщал: «Эмир Бухарский, желая выразить свою глубокую благодарность Государю Императору, пожелал вверенной мне военной миссии (наградить) орденом «Восходящей звезды»» [28, л. 26]. Ситуация требовала доклада П. С. Ванновского императору. Позже, все офицеры и коллежский асессор Сейфулин, бывший при миссии, были награждены высшим орденом Бухары. Церпицкий сообщил в штаб округа: «Награды задерживают миссию (в Бухаре), дабы срочность, требуемая Ташкентом не вызвала волнений и подозрений (так как) в Бухаре не спокойно» [28, л. 26]. Это событие вынудило Главный штаб принять решение на продление деятельности группы полковника Церпицкого в эмирате еще на месяц. 17 апреля, разрешение монарха на продление работы миссии еще на месяц было сообщено в Ташкент.

В апреле 1884 г. по деятельности Черняева было проведено своего рода служебное расследование, где детально раскрывались точка зрения генералитета Главного штаба, на инициативы бывшего генерал-губернатора.

25 апреля 1884 г. Обручев, следуя логике линии борьбы с политикой генерала Черняева, направил требование в Главное артиллерийское управление русской армии провести ревизию оружия в складах Туркестана. Целью проверки было выявление возможных нарушений. Однако, ревизия, подтвердив факт передачи 1000 винтовок бухарцам других случаев не выявила. Все 18 531 винтовки, которые должны были находиться на складах округа, были в наличии [28, л. 43–44].

Вышеприведенные факты проверки оружия, имевшие задачей выявить просчеты Черняева в его руководстве

Туркестаном, а также переписка с МИДом по вопросу о деятельности снятого генерал-губернатора наглядно показывали острую борьбу Главного штаба против его политики. В подтверждение этого утверждения стоит процитировать резолюцию Н. Н. Обручева, наложенную им на одном из документов этого периода: «Этим мы обличим политику Черняева» [28, л. 40].

В первых числах мая 1884 г. члены миссии благополучно вернулись в Ташкент и были направлены по местам предыдущей службы [28, л. 46]. Так закончилась трехмесячная бухарская эпопея полковника К. В. Церпицкого и его офицеров.

Военно-политическим инициативам периферийных руководителей, подобных Черняеву, было трудно реализоваться без поддержки в лице императора. Последовательное, системное давление высшего генералитета Главного штаба и руководителей внешнеполитического ведомства на Александра III привело к падению излишне инициативного генерал-губернатора и сворачивания его не обычной политики.

Разумеется, в сложное политическое поле, сложившееся в подконтрольном России Туркестане и прилегающих регионах Центральной Азии кроме военного вплетались и другие факторы влияния: экономический, религиозный, культурный и другие, но роль военно-политической составляющей влияния России в регионе трудно переоценить.

Рассматривая итоги исследования, выделим ряд аспектов рассмотренных в работе.

Политический аспект показывает два взгляда на сотрудничество с Бухарой. Проводником осторожной политики, в отношении с восточными странами, был Н. Н. Обручев. Генерала поддержал МИДа России. Им противостоял сторонник глубокого сотрудничества с Бухарой М. Г. Черняев. Безусловно, свою роль в конфликте с Черняевым сыграло вопиющее нарушение служебной субординации генералом. Этот случай и сделал его мишенью атаки правящей петербургской элиты.

Очевидно, что причиной посылки миссии послужила инициатива генерал-лейтенанта Черняева. Она была основана на желании показать как Афганистану и Великобритании, а так и эмиру Бухары, что Россия занимает сильную бескомпромиссную позицию, не позволившую безнаказанно захватывать земли ее союзника на Памире.

Документы свидетельствуют, что это касалось не только внешнеполитических вопросов, но и возможных антиправительственных волнений, что и санкционировал Александр III.

Инициатива Черняева, наряду с уже имеющимися ранее случаями, продолжала колониальную практику России в форме такого проникновения в политическую структуру стран Востока, как безвозмездная передача оружия и посылка инструкторов. Именно она была особенностью российской формы сотрудничества в военной сфере со странами Азии. Как правило, таким способом Россия начинала влиять на эти страны не только в военной сфере, но и в политике.

Закрепившись в центральноазиатском регионе, к началу 90-х гг. XIX в. военное ведомство России приходит к решению о необходимости сокращения вооруженных сил бухарского эмирата. Это осуществилось на протяжении 1891–1894 гг. [38, л. 1–115].

Еще одной задачей Церпицкого был сбор информации о военно-политическом положении в Бухаре. Ташкент был заинтересован в системном поступлении в штаб округа материалов о ситуации в регионе, с целью более детального понимания реального положения дел в Хиве, Бухаре, Афганистане.

Передача оружия и посылка инструкторской миссии показала неоднозначность оценки событий, происходящих в регионе, как в Главном штабе, так и в штабе военного округа, расположенного в Ташкенте. Как показали дальнейшие события второй половины 80-х – начала 90-х гг. XIX в., зачастую, несмотря на кажущуюся радикальность взглядов, господствующих в среде «туркестанских» офицеров, в штабе военного округа в Ташкенте более реалистично смотрели на события, происходящие в этом обширном регионе. И наоборот, П. С. Ванновский и Н. Н. Обручев не были знакомы с особенностями центральноазиатских реалий и зачастую переносили европейские практики на свою управленческую деятельность в Азии. Они предпочитали не рисковать своим служебным положением, наблюдая за происходящим в Азии из Петербурга. Они руководствовались общегосударственной безопасностью и задачами обороны империи, в первую очередь на ее западных рубежах. Петербургские генералы не понимали истин Востока, усвоенных офицерами-туркестанцами: любая уступка России в этом мусульманском регионе виделась местной политической элитой как проявление слабости со стороны русских. Именно знание реальной ситуации, специфики местных традиций и толкала М. Г. Черняева, К. П. Кауфмана, М. Д. Скобелева и других офицеров, знакомых с Туркестаном к решительным, неординарным в понимании европейских норм поступкам – вести себя уверенно, решительно и храбро, но не по-государственному.

Следует отметить, что в Тегеране и Бухаре был накоплен позитивный опыт взаимоотношений с восточными ВС. Продолжался сбор уникальной информации, которая была использована при анализе ситуации в регионе и печаталась в изданиях Военного министерства. Сбор материалов, организованный любым другим способом, не давал такую полноту картины о состоянии ВС той или иной страны, ее военных возможностях. Работа инструкторов позволяла, что называется изнутри изучить быт, особенности боевой подготовки, организацию управления и другие аспекты армий Востока. Зачастую в докладах, присланных при выполнении инструкторских миссий, излагались особенности политики, экономики, культуры, религиозные аспекты стран, где работали офицеры. Указывались национальные особенности, социальные противоречия и другие материалы, требующие длительных, непосредственных контактов на всех уровнях взаимодействия. Именно это и позволяли осуществлять миссии инструкторов в странах Востока. Офицеры-инструкторы начинали разбираться в сложных хитросплетениях восточного мира. Они становились, как сейчас принято называть, военными востоковедами.

В длительной перспективе миссии инструкторов позволили взять под контроль наиболее боеспособные части Ирана и Бухары, что было очевидным фактом политического успеха офицеров русской армии, руководивших миссиями. ВС Ирана, Бухары, Хивы

перенимали методику боевой подготовки, несение служебных обязанностей. В этих странах переводились боевые уставы и служебные документы на язык, употребляемый в служебной деятельности войск. Позже схожая практика повторилась в Корее и Монголии.

Еще одним важным фактором работы инструкторов было укрепление авторитета русской армии и империи в глазах стран, где работали инструкторы. Таким образом, оказывалось косвенное влияние на политическую верхушку азиатских стран.

События 1884 г. связанные с деятельностью миссии полковника К. В. Цепицкого в Бухарском эмирате дополняют сложную картину положения российских властей в Туркестане в ту эпоху. Архивные материалы дают перспективы для дальнейшего исследования темы расширения влияния военного ведомства России в 80–е – 90–е гг. XIX в. в Хивинском ханстве и Бухарском эмирате.

Список использованных источников

1. Всемирная история: в 6 т. т.5: на пути к индустриальной цивилизации / отв. ред. В. С. Мирзеханов. – 2014. – 940 с.
2. Тер–Оганов Н. К. Персидская казачья бригада. 1879–1921 гг. / Н. К. Тер–Оганов. – М.: Институт востоковедения РАН, 2012. – 352 с.
3. Красняк О. А. Становление иранской регулярной армии в 1879–1921 гг.: По материалам архивов русской военной миссии / О. А. Красняк. – М.: Издательство ЛКИ, 2007. – 160 с.
4. Гоков О. А. Российские офицеры и персидская казачья бригада (1877–1894 гг.) / О. А. Гоков // Canadian American Slavic Studies. – 2003. – Vol.37. – №4. – P.395–414; Гоков О. А. Кризис в Персидской казачьей бригаде 1889–1895 гг. / О. А. Гоков // Клио. – 2008. – №2. – С.91–98.
5. Казем–Заде Ф. Борьба за влияние в Персии. Дипломатическое противостояние России и Англии / Ф. Казем–Заде. – М.: Центрполиграф, 2004. – 544 с.
6. Ким Ен–Су. Русские военные инструкторы в Корее и Корейская армия / Ким Ен–Су // Русский сборник: исслед. по истории России / ред.–сост. О. Р. Айрапетов, М. Иванович, М. А. Колеров, Б. Меннинг. – М., 2006. – Т.2. – С.218–244.
7. Хохлов А. Н. Д. В. Путята и его план модернизации корейской армии (1896–1898) / Хохлов А. Н. // Вестник Центра корейского языка и культуры. – СПб.: Изд–во С.–Петербург. ун–та, 2013. – Вып.15. – С.172–202.
8. Хохлов А. Н. Военная помощь России Китаю в конце 50–х – начале 60–х годов XIX в. / А. Н. Хохлов // Страны Дальнего Востока и Юго–Восточной Азии: История и экономика. – М., 1967. – С.121–130; Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. / А. Н. Хохлов // Вопросы истории и историографии Китая: сб. ст. – М., 1968. – С.203–244; Хохлов А. Н. Англо–франко–китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю / А. Н. Хохлов // Документы опровергают. – М., 1982. – С.284–339.
9. Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И. М. Попов. – М.: Астрель: Ермак, 2004. – 510 с.
10. Дацышен В. Г. Русский военный советник в Китае полковник П. П. Воронов / В. Г. Дацышен // Военно–исторический журнал. – 2012. – №5. – С.38–44.
11. Добычина Е. В. Разведка России о японском военном влиянии в Китае на рубеже XIX–XX веков / Е. В. Добычина // Вопросы истории. – 1999. – №10. – С.123–138.
12. Энциклопедия военных и военно–морских наук / составлена под редакцией генерал–лейтенанта Г. А. Леера. Т.3. – СПб.: тип–я В. Безобразова, 1888. – 584 с.
13. Силин А. С. Фон дер Гольц и его военная миссия в Турции / А. С. Силин // Германский империализм и милитаризм. Сборник статей. – М.: Издательство «Наука», 1965. – С.64–91; Силин А. С. Экспансия Германии на Ближнем Востоке в конце XIX века / А. С. Силин. – М.: Изд–во «Наука» Глав. ред. Восточной лит–ры, 1971. – 258 с.; Wallach L. Jehuda. Anatomie einer Militärhilfe. Die Preußisch–deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919 / Jehuda L. Wallach. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1976. – 284 s.
14. Российский государственный военно–исторический архив (далее – РГВИА). – Ф.401. Канцелярия Военно–ученого комитета Главного штаба. – Оп.4/928. – Д.9. Военный агент в Китае (1884 г.). – 78 л.
15. Черчилль У. Индия, Судан, Южная Африка. Походы Британской армии, 1897–1900 / У. Черчилль. – М.: Эксмо, 2004. – 560 с.
16. Гросул В. Я. Россия и формирование национальных регулярных армий Молдавии и Валахии / В. Я. Гросул // Вопросы истории. – 2001. – №5. – С.141–146.
17. Хохлов А. Н. Военная помощь России Китаю в конце 50–х – начале 60–х годов XIX в. / А. Н. Хохлов // Страны Дальнего Востока и Юго–Восточной Азии: История и экономика. – М., 1967. – С.121–130; Хохлов А. Н. Попытки укрепления маньчжурских войск в Китае во второй половине XIX – начале XX в. / А. Н. Хохлов // Вопросы истории и историографии Китая: сб. ст. – М., 1968. – С.203–244; Хохлов А. Н. Англо–франко–китайская война (1856–1860 гг.) и вопрос о помощи России Китаю // Документы опровергают. – М., 1982. – С.284–339; Попов И. М. Россия и Китай: 300 лет на грани войны / И. М. Попов. – М.: Астрель: Ермак, 2004. – С.149.
18. Милотин Д. А. Воспоминания. 1865–1867 / Милотин Д. А. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 696 с.; Нигалатий М. В. Перспективы сербско–русского военного сотрудничества в 60–е – нач. 70–х гг. XIX в. Дисс. ... канд. истор. наук. – М., 2009. – 198 с.
19. Сергеев Е. Ю. Большая игра, 1856–1907: мифы и реалии российско–британских отношений в Центральной и Восточной Азии / Е. Ю. Сергеев. – М.: Т–во науч. изд. КМК, 2012. – 454 с.; Хопкирк П. Большая игра против России. Азиатский синдром / Питер Хопкирк. – М.: РИПОЛ КЛАССИК, 2004. – 581 с.; Постников А. В. Схватка на «Крыше Мира»: политики, разведчики и географы в борьбе за Памир в XIX веке: (монография в документах) / А. В. Постников. – М.: Памятники исторической мысли, 2001. – 512 с.
20. Гоков О. А. Памирская экспедиция 1883 года / О. А. Гоков // Актуальные проблемы вітчизняної та всесвітньої історії: Збірник наукових праць. – Х.: НМЦ СД, 2004. – С.128–134.
21. Лисицына Н. Н. Афганский эмир Абдурахман–хан и англо–русское соперничество на Среднем Востоке / Н. Н. Лисицына // Восточный архив №17. – 2008. – С.20–32.
22. Бартольд В. В. Сочинения. – Т.2 (1) / В. В. Бартольд. – М.: Изд–во восточной лит–ры, 1963. – 1020 с.
23. Центральная Азия в составе Российской империи / С. Н. Башина, Д. Ю. Арапова, Н. Е. Бекмаханова. – М.: Новое литературное обозрение, 2008. – 464 с.
24. Костенко Л. Ф. Путешествие в Бухару русской миссии в 1870 г. / Л. Ф. Костенко // Военный сборник. – 1870. – №10. – С.249–260; Арндаренко Г. Бухарские войска в 1880 г. / Г. Арндаренко // Военный сборник. – 1881. – №10. – С.340–368; Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского / В. В. Крестовский. – СПб.: издательство А. С. Суворина, 1887. – С.432; Арндаренко Г. А. Досуги в Туркестане / Г. А. Арндаренко. – СПб.: изд–во А. С. Суворина, 1889. – 666 с.; Шубинский П. П. Очерки Бухары / П. П. Шубинский. – СПб.: изд–во А. С. Суворина, 1892. – 108 с.; Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств / под ред. В. П. Целебровского. – 13–е изд. – СПб.: Воен. тип., 1894. – 884 с.; Сборник новейших сведений о вооруженных силах европейских и азиатских государств / под ред. А. Е. Тизенгаузена. – 12–е изд. – СПб.: Воен. тип., 1893. – 884 с.; Бухара и Афганистан в начале 80–х годов XIX века: (Журналы командировок Г. А. Арндаренко) / отв. ред. Н. А. Халфин. – М.: Наука, 1974. – 142 с.
25. Басханов М. К. Русские военные востоковеды до 1917 г.: библиогр. словарь / М. К. Басханов. – М.: Вост. лит., 2005. – 295 с.
26. Милотин Д. А. Воспоминания. 1865–1867 / Д. А. Милотин. – М.: «Российская политическая энциклопедия» (РОССПЭН), 2005. – 696 с.
27. Глущенко Е. А. Россия в Средней Азии. Завоевания и преобразования / Е. А. Глущенко. – М.: ЗАО Издательство Центрполиграф, 2010. – 575 с.
28. РГВИА. – Ф.400. – Оп.1. – Д.912. О командировании полковника Цепицкого, 13.12.1883 – 04.05.1885. – 48 л.
29. «Я всецело предан служению краю». Письмо Александру III // Источники. Документы русской истории. – 2003. – №3 (63). – С.13–14.
30. Овсяный Н. Р. Болгарское ополчение и Земское войско. К истории гражданского управления и оккупации в Болгарии 1877–78–79 гг. / Н. Р. Овсяный. – СПб.: Изд–во Военно–исторической комиссии Главного Штаба, 1904. – 175 с.
31. РГВИА. – Ф.401. Военно–ученый комитет Главного штаба. – Оп.4/928. – Д.32. О посылке военной миссии в Черногорию. – 248 л.

32. Там же. – Ф.447. Китай 1660–1916 гг. – Оп.1. – Д.11. О стремлении корейского правительства выйти из-под вассальной зависимости от Китая и ориентации его на Россию. – 202 л.
33. Эжк Э. В. От Русско-турецкой до Мировой войны. Воспоминания о службе 1868–1918 / Эжк Э. В. – М.: Кучково поле. – 2014. – 576 с.
34. Глущенко Е. А. Герои Империи. Портреты российских колониальных деятелей. – М.: XXI век – Согласие, 2001. – 464 с.
35. Рябиков П. Ф. Разведывательная служба в мирное и военное время / П. Ф. Рябиков // Антология истории спецслужб: Россия, 1905–1924. – М., 2007. – С.111–411.
36. Свод военных постановлений 1869 г. Ч.1. Военные управления. Кн.1. Военное министерство и состоящие при нем особые учреждения Военно-окружные управления. – 2-е изд. – СПб.: Гос. тип., 1893. – 317 с.
37. Крестовский В. В. В гостях у эмира бухарского / В. В. Крестовский. – СПб.: изд-во А. С. Суворина, 1887. – С.420.
38. РГВИА. – Ф.400. Главный штаб Военного министерства. – Оп.1. – Д.1541. О сокращении армии эмира бухарского. – 115 л.

References

1. Vsemirnaya istoriya: v 6 t. t.5: na puti k industrialnoy tsivilizatsii / otv. red. V. S. Mirzhanov. – 2014. – 940 s.
2. Ter-Oganov N. K. Persidskaya kazachya brigada. 1879–1921 gg. / N. K. Ter-Oganov. – М.: Institut vostokovedeniya RAN, 2012. – 352 s.
3. Krasnyak O. A. Stanovlenie iranskoj reguljarnoj armii v 1879–1921 gg.: Po materialam arhivov russkoj voennoj missii / O. A. Krasnyak. – М.: Izdatelstvo LKI, 2007. – 160 s.
4. Gokov O. A. Rossijskie oftseri i persidskaya kazachya brigada (1877–1894 gg.) / O. A. Gokov // Canadian American Slavic Studies. – 2003. – Vol.37. – №4. – P.395–414; Gokov O. A. Krizis v Persidskoj kazachey brigade 1889–1895 gg. // Klio. – 2008. – №2. – S.91–98.
5. Kazem-Zade F. Borba za vliyanie v Persii. Diplomaticheskoe protivostoyanie Rossii i Anglii / F. Kazem-Zade. – М.: Tsentrpoligraf, 2004. – 544 s.
6. Kim En-Su. Russkie voennye instruktory v Koree i Koreyskaya armiya / Kim En-Su // Russkij sbornik: issled. po istorii Rossii / red.-sost. O. R. Ayrapetov, M. Yovanovich, M. A. Kolerov, B. Menning. – М., 2006. – Т.2. – S.218–244.
7. Hohlov A. N. D. V. Putyata i ego plan modernizatsii korejskoj armii (1896–1898) / Hohlov A. N. // Vestnik Tsentra korejskogo yazyika i kulturyi. – SPb.: Izd-vo S.–Peterb. un.–ta, 2013. – Vyip.15. – S.172–202.
8. Hohlov A. N. Voennaya pomoshch Rossii Kitayu v kontse 50–h – nachale 60–h godov XIX v. / A. N. Hohlov // Stranyi Dalnego Vostoka i Yugo-Vostochnoy Azii: Istoriya i ekonomika. – М., 1967. – S.121–130; Hohlov A. N. Popyitki ukrepleniya manchzhurskih voysk v Kitae vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. / A. N. Hohlov // Voprosy istorii i istoriografii Kitaya: sb. st. – М., 1968. – S.203–244; Hohlov A. N. Anglo-franko-kitayskaya vojna (1856–1860 g.g.) i vopros o pomoschi Rossii Kitayu / A. N. Hohlov // Dokumenty oprovergayut. – М., 1982. – S.284–339.
9. Popov I. M. Rossiya i Kitay: 300 let na grani voynyi / I. M. Popov. – М.: Astrel: Ermak, 2004. – 510 s.
10. Datsyishen V. G. Russkij voennyj sovetnik v Kitae polkovnik P. P. Voronov / V. G. Datsyishen // Voeno-istoricheskij zhurnal. – 2012. – №5. – S.38–44.
11. Dobyichina E. V. Razvedka Rossii o yaponskom voennom vliyanii v Kitae na rubezhe XIX–XX vekov / E. V. Dobyichina // Voprosy istorii. – 1999. – №10. – S.123–138.
12. Entsiklopediya voennyih i voenno-morskih nauk / sostavlena pod redaktsiej general-leytenanta G. A. Leera. T.3. – SPb.: tip-ya V. Bezobrazova, 1888. – 584 s.
13. Silin A. S. Fon der Golts i ego voennaya missiya v Turtsii / A. S. Silin / Germanskij imperializm i militarizm. Sbornik statey. – М.: Izdatelstvo «Nauka», 1965. – S.64–91; Silin A. S. Ekspansiya Geramni na Blizhnem Vostoke v kontse XIX veka / A. S. Silin. – М.: Izd-vo «Nauka» Glav. red. Vostochnoy lit-ryi, 1971. – 258 s.; Wallach L. Jehuda. Anatomie einer Militärlilfe. Die Preußisch-deutschen Militärmissionen in der Türkei 1835–1919 / Jehuda L. Wallach. – Düsseldorf: Droste Verlag, 1976. – 284 s.
14. Rossijskij gosudarstvennyj voeno-istoricheskij arhiv (RGVIA). – F.401. Kantselyariya Voeno-uchenoj komiteta Glavnogo shtaba. – Op.4/928. – D.9. Voennyj agent v Kitae (1884 g.). – 78 l.
15. Churchill U. Indiya, Sudan, Yuzhnaya Afrika. Pohody Britanskoy armii, 1897–1900 / U. Churchill. – М.: Eksmo, 2004. – 560 s.
16. Grosul V. Ya. Rossiya i formirovanie natsionalnyh reguljarnykh armij Moldavii i Valahii / V. Ya. Grosul // Voprosy istorii. – 2001. – №5. – S.141–146.
17. Hohlov A. N. Voennaya pomoshch Rossii Kitayu v kontse 50–h – nachale 60–h godov XIX v. / A. N. Hohlov // Stranyi Dalnego Vostoka i Yugo-Vostochnoy Azii: Istoriya i ekonomika. – М., 1967. – S.121–130; Hohlov A. N. Popyitki ukrepleniya manchzhurskih voysk v Kitae vo vtoroy polovine XIX – nachale XX v. / A. N. Hohlov // Voprosy istorii i istoriografii Kitaya: sb. st. – М., 1968. – S.203–244; Hohlov A. N. Anglo-franko-kitayskaya vojna (1856–1860 g.g.) i vopros o pomoschi Rossii Kitayu // Dokumenty oprovergayut. – М., 1982. – S.284–339; Popov I. M. Rossiya i Kitay: 300 let na grani voynyi / I. M. Popov. – М.: Astrel: Ermak, 2004. – S.149.
18. Milyutin D. A. Vospominaniya. 1865–1867 / Milyutin D. A. – М.: «Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2005. – 696 s.; Nigalatiy M. V. Perspektivy serbsko-russkogo voennogo sotrudnichestva v 60–e – nach. 70–h gg. XIX v. Diss. ... kand. istor. nauk. – М., 2009. – 198 s.
19. Sergeev E. Yu. Bolshaya igra, 1856–1907: mify i realii rossijsko-britanskikh otnosheniy v Tsentralnoj i Vostochnoy Azii / E. Yu. Sergeev. – М.: T-vo nauch. izd. KMK, 2012. – 454 s.; Hopkirk P. Bolshaya igra protiv Rossii. Aziatskiy sindrom / Piter Hopkirk. – М.: RIPOL KLASSIK, 2004. – 581 s.; Postnikov A. V. Shvatka na «Krysishe Mira»: politiki, razvedchiki i geografyi v borbe za Pamir v XIX veke: (monografiya v dokumentah) / A. V. Postnikov. – М.: Pamyatniki istoricheskoy mysli, 2001. – 512 s.
20. Gokov O. A. Pamirskaya ekspeditsiya 1883 goda / O. A. Gokov // Aktualn problemi vltchiznyanoYi ta vsvetlnoYi IstoriYi: Zblrnik naukovih prats. – H.: NMTs SD, 2004. – S. 128–134
21. Lisitsyina N. N. Afganskiy emir Abdurrahman-han i anglo-russkoe sopernichestvo na Srednem Vostoke // Vostochnyy arhiv №17. – 2008. – S.20–32.
22. Bartold V. V. Sochineniya. – T.2 (1) / V. V. Bartold. – М.: Izd-vo vostochnoy lit-ryi, 1963. – 1020 s.
23. Tsentralnaya Aziya v sostave Rossijskoj imperii / S. N. Bashina, D. Yu. Arapova, N. E. Bekmahanova. – М.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2008. – 464 s.
24. Kostenko L. F. Puteshestvie v Buharu russkoj missii v 1870 g. / L. F. Kostenko // Voennyj sbornik. – 1870. – №10. – S.249–260; Arendarenko G. Buharskie voyska v 1880 g. / G. Arendarenko // Voennyj sbornik. – 1881. – №10. – S.340–368; Krestovskiy V. V. V gostyah u emira buharskogo / V. V. Krestovskiy. – SPb.: izdatelstvo A. S. Suvorina, 1887. – S.432; Arandarenko G. A. Dosugi v Turkestane / G. A. Arandarenko. – SPb.: izd-vo A. S. Suvorina, 1889. – 666 s.; Shubinskiy P. P. Ocherki Buhariy / P. P. Shubinskiy. – SPb.: izd-vo A. S. Suvorina, 1892. – 108 s.; Sbornik noveysihh svedeniy o vooruzhennyih silah evropeyskih i aziatskih gosudarstv / pod red. V. P. Tselebrovskogo. – 13-e izd. – SPb.: Voen. tip., 1894. – 884 s.; Sbornik noveysihh svedeniy o vooruzhennyih silah evropeyskih i aziatskih gosudarstv / pod red. A. E. Tizengauzena. – 12-e izd. – SPb.: Voen. tip., 1893. – 884 s.; Buhara i Afganistan v nachale 80–h godov XIX veka: (Zhurnalny komandirovok G. A. Arendarenko) / otv. red. N. A. Halfin. – М.: Nauka, 1974. – 142 s.
25. Bashanov M. K. Russkie voennye vostoковеды do 1917 g.: bibliogr. slovar / M. K. Bashanov. – М.: Vost. lit., 2005. – 295 s.
26. Milyutin D. A. Vospominaniya. 1865–1867 / Pod red. L. G. Zharovoy. – М.: «Rossijskaya politicheskaya entsiklopediya» (ROSSPEN), 2005. – 696 s.
27. Gluschenko E. A. Rossiya v Srednej Azii. Zavoevaniya i preobrazovaniya. – М.: ZAO Izdatelstvo Tsentrpoligraf, 2010. – 575 s.
28. RGVIA. – F.400. – Op.1. – D.912. O komandirovanii polkovnika Tserptsikogo, 13.12.1883 – 04.05.1885. – 48 l.
29. «Ya vsetselo predalsya sluzheniyu krayu». Pismo Aleksandru III // Istochnik. Dokumenty russkoj istorii. – 2003. – №3 (63). – S.13–14.
30. Ovsyaniy N. R. Bolgarskoe opolchenie i Zemskoe voysko. K istorii grazhdanskogo upravleniya i okkupatsii v Bolgarii 1877–78–79 gg. / N. R. Ovsyaniy. – SPb.: Izd-vo Voeno-istoricheskoy komissii Glavnogo Shtaba, 1904. – 175 s.
31. RGVIA. – F.401. Voeno-uchenyj komitet Glavnogo shtaba. – Op.4/928. – D.32. O posylke voennoj missii v Chernogoriyu. – 248 l.
32. Tam zhe. – F.447. Kitay 1660–1916 gg. – Op.1. – D.11. O stremlenii korejskogo pravitelstva vyiyti iz-pod vassalnoy zavisimosti ot Kitaya i orientatsii ego na Rossiyu. – 202 l.
33. Ekk E. V. Ot Russko-turetskoy do Mirovoj voynyi. Vospominaniya o sluzhbe 1868–1918 / Ekk E. V. – М.: Kuchkovo pole, 2014. – 576 s.
34. Gluschenko E. A. Geroy Imperii. Portrety rossijskih kolonialnykh deyateley. – М.: XXI vek – Soglasie, 2001. – 464 s.

35. Ryabikov P. F. Razvedyvatelnaya sluzhba v mirnoe i voennoe vremya / P. F. Ryabikov // Antologiya istorii spetssluzhb: Rossiya, 1905–1924. – М., 2007. – С. 111–111.

36. Svod voennykh postanovleniy 1869 g. Ch.1. Voennyye upravleniya. Kn.1. Voennoe ministerstvo i sostoyaschie pri nem osobyye uchrezhdeniya Voенно-оkružnyie upravleniya. – 2–e izd. – Spb.: Gos. tip., 1893. – 317 s.

37. Krestovskiy V. V. V gostyah u emira buharskogo / V. V. Krestovskiy. – Spb.: izd–vo A. S. Suvorina, 1887. – S.420.

38. RGVIA. – F.400. Glavnyiy shtab Voennogo ministerstva. – Op.1. – D.1541. O sokraschenii armii emira buharskogo. – 115 l.

Falco S. A., Candidate of Historical Sciences, Associate Professor of the Department of Social and Legal disciplines of National Academy of National guard of Ukraine (Ukraine, Kharkov), faekosergey65@gmail.com

Military advising and training mission under the command of Colonel K. V. Tserpitsky to the emirate of Bukhara (1884)

This article is related to understudied subject of relations between the Russian imperial military and the semi-independent Islamic states of Central Asia in 1880s. The article reviewed a matter of the military advising and training activity of the Russian army in the East. On the base of previously unknown archival materials, the history of a mission under the command of Colonel Konstantin Tserpitsky to the Emirate of Bukhara in 1884 is discussed in full details. The article also studied the role of Lieutenant-General Mikhail G. Cherniaev, the Governor-General of Turkestan, in facilitating the military relations between the Russian Empire and the Emirate of Bukhara is considered.

The author used General scientific and special historical methods of research in the article.

The research revealed reasons for the military cooperation of Russia with Emirate of Bukhara in 1884; the peculiarities of functioning military trainers in the specific conditions of Asia for example the mission to Emirate of Bukhara; the effectiveness Russian military instructors in Emirate of Bukhara. The reasons of the struggle between the Main headquarters and Mikhail G. Cherniaev at the issue of the purpose of The Russian of trainers of work in Bukhara are revealed.

Keywords: The Russian Empire, the military trainers, the mission, the Russian army, Glavny staff, War office, Turkestan, Central Asia, the Bukhara Emirate.

Фалько С. А., кандидат історичних наук, доцент кафедри соціальних та правових дисциплін, Національна академія Національної гвардії України (Україна, Харків), faekosergey65@gmail.com

Військово-інструкторська місія під керівництвом полковника К. В. Церпицького в Бухарський емірат (1884 р.)

Стаття присвячена маловивченій проблемі взаємодій російського відомства Російської імперії та мусульманських держав Центральної Азії у 80-х роках XIX ст. У роботі висвітлюються проблеми військово-інструкторської діяльності російської армії на Сході. На основі не використуваних раніше архівних матеріалів детально аналізується діяльність військової місії під керівництвом полковника К. В. Церпицького в Бухарському еміраті у 1884 р. У дослідженні розглядається роль туркестанського генерал-губернатора генерал-лейтенанта М. Г. Черняєва в ініціюванні військового співробітництва Росії з Бухарою.

Автор використав загальнонаукові та спеціально-історичні методи наукового дослідження.

У ході дослідження виявлено: причини взаємодій російських Росії з бухарцями у 1884 р.; особливості функціонування воєнних інструкторів у специфічних умовах Азії; результативність діяльності воєнних інструкторів Росії в Бухарі. Виявлено причини боротьби між Главним штабом та Черняєвим з питання про цілі праці інструкторів імперії в Бухарському еміраті.

Ключові слова: Російська імперія, військово-інструктори, місія, російська армія, Главний штаб, Воєнне міністерство, Туркестан, Центральна Азія, Бухарський емірат.

УДК 94(479.24)

Исмаилов У. С.,
преподаватель, Гянджинский
государственный университет, докторант,
Институт Истории НАНА (Азербайджан),
matlabm@yandex.com

ІСЛЕДОВАНИЕ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ ИСТОРИИ АЗЕРБАЙДЖАНА XV–XVI ВЕКОВ В СОВЕТСКОЙ ИСТОРИОГРАФИИ

Статья написана, главным образом, на основе советских и отечественных источников, критически проанализированных и сопоставленных с данными других первоисточников – дошедших до нас документов той эпохи на европейских, а также восточных языках. Отдельные произведения для

решения поставленной задачи были использованы впервые в отечественной историографии.

Ключевые слова: история Азербайджана XV–XVI вв., советская историография, первоисточники.

(стаття друкується мовою оригіналу)

С середины XV века о взаимоотношениях Азербайджана со странами Западной Европы стали приобретать и политический характер. Точнее, сказать возросла роль внешнеполитического фактора во взаимном сближении Азербайджана с европейскими странами.

Обширные дипломатические связи государства Аг–Гоюнлу с западными странами, в частности, с Венецианской республикой, были установлены в период правления Узун Гасана (1453–1478), то есть задолго до прихода к власти Сефевидов, а в XVI веке эти отношения ещё более расширились.

Одной из основных причин расширения взаимоотношений Азербайджана со странами Западной Европы, вернее, приобретения ими всё более политического характера, была агрессивная внешняя политика Османской империи. Поэтому для более полного уяснения этого процесса необходимо обратить внимание как на отношения между государствами Аг–Гоюнлу и Сефевидов с Турцией в исследуемый период, так и на внешнюю политику соответствующих европейских государств в связи с усилением Османской империи.

Надо отметить, в исследованиях зарубежных авторов, посвящённых истории Ирана, Турции и отдельных государств Европы, хоть и бессистемно, но встречаются некоторые сведения по вопросу о роли агрессивной внешней политики Османской империи во взаимном сближении стран Азии и Европы. Содержащаяся в этих научных работах данные в большинстве случаев поверхностны и очень кратки, не раскрывают истинных причин установления дипломатических отношений между государствами Азербайджана и государствами Западной Европы [2, с. 98–99].

Европейские историки, говоря об антитурецкой политике своих стран в средние века, пытаются доказать, что эта политика носила только оборонительный характер, они уделяют основное внимание османской агрессии.

Говоря об азербайджанской государственности XV–XVI веков, должны определить какие государства существовали в этот период истории Азербайджана. Это труды по истории государства Ширваншахов, Аг–гоюнлу, Гара–гоюнлу и Сефевидов. Мы не можем обойти тот период истории, в котором были написаны эти труды, то есть в советский период во всех областях науки существовала цензура и господствовала коммунистическая идеология. И это мешало ученым объективно исследовать проблемы азербайджанской государственности [4, с. 178–181].

Но, несмотря на все трудности советского периода, были азербайджанские ученые которые старались быть объективными. В частности можно отметить таких ученых как Огтай Эфендиев, Ягуб Махмудов, Бахтияр Ахмедов, Зия Буниятов, Сара Ашурбейли, Фазил Ибрагимов, А. Рахмани, и другие.

Рассмотрим государственность Ширваншахов, которые правили в Азербайджане с 861 по 1538 года, но рассматриваемый нами период охватывает период правления в государстве Ширваншахов династии Дербендидов (1382–1538). В частности, в период правления основателя династии Дербендидов –